УДК 908.
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-175-182
Оригинальное исследование

Влияние неземледельческих промыслов крестьян на сельское хозяйство в 1920-е годы (на материалах Костромской губернии)

Новоселова О.П.
Костромской государственный университет,
Россия, 156005, г. Кострома, улица Дзержинского, дом 17/11;
Сергиево-Посадский колледж,
Россия, 141303, Московская область, г. Сергиев Посад, ул.40 лет Октября, 5А
E-mail: napalkovao@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние неземледельческих промыслов крестьян на сельское хозяйство на примере Костромской губернии в 1920-х гг. Автором проанализированы региональные источники, а также периодическая печать Костромской губернии 1920-х гг., на основе которых сделан вывод о противоречивой роли отходничества в сельском хозяйстве. Неземледельческие промыслы были необратимым явлением, так как в крупных городах с развитой индустрией крестьяне получали дополнительный доход, который могли вложить в развитие и улучшение собственного сельского хозяйства – обустройство жилых построек, закупку сельскохозяйственного инвентаря и удобрений, проведение землеустройства и переход на многополье. С другой стороны, отхожие работы имели и отрицательные последствия для развития сельского хозяйства губернии. В изучаемый период прослеживалась тенденция, согласно которой отходникам сельское хозяйство уже не требовалось, так как крестьяне понимали, что больший доход они могут получить на сезонных работах, а содержание собственного хозяйства являлось только страховкой в случае неспособности заработать деньги в городе.

Ключевые слова: неземледельческий промысел, отходники, сельское хозяйство, Советская Россия, Костромская губерния

Для цитирования: Новоселова О.П. 2025. Влияние неземледельческих промыслов крестьян на сельское хозяйство в 1920-е годы (на материалах Костромской губернии). *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 175–182. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-175-182

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Influence of Non-Agricultural Trades of Peasants on Agriculture in the 1920s (Based on Materials from the Kostroma Province)

Olga P. Novoselova
Kostroma State University,
17/11 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russia;
Sergiev Posad College,
5A 40th Anniversary of October St., Sergiev Posad 141303, Moscow Region, Russia
E-mail: napalkovao@bk.ru

Abstract. The article examines the impact of peasants' non-agricultural trades on agriculture using the example of the Kostroma province in the 1920s. The author analyzes regional sources, as well as the periodical press of the Kostroma province of the 1920s, which allows a conclusion about the contradictory role of seasonal work in agriculture. Non-agricultural trades were an irreversible phenomenon, since in large cities with developed industry, peasants received additional income that they could invest in the development and improvement of their own homesteads – arrangement of residential buildings, purchase

© Новоселова О.П., 2025

of agricultural equipment and fertilizers, land management and transition to multiple fields. On the other hand, seasonal work also had negative consequences for the development of agriculture in the province. During the period under study, a tendency was observed according to which seasonal workers no longer needed agriculture, since peasants understood that they could get more income from seasonal work, and maintaining their own farm was only insurance in case of inability to earn money in the city.

Keywords: Non-agricultural trade, migrant workers, agriculture, Soviet Russia, Kostroma province

For citation: Novoselova O.P. 2025. The Influence of Non-Agricultural Trades of Peasants on Agriculture in the 1920s (Based on Materials from the Kostroma Province). *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 175–182 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-175-182

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Сельское хозяйство при различных уровнях его развития и системах землепользования всегда обеспечивало население нужными ему продуктами питания и обмена. Эволюция экономики крестьянского хозяйства часто зависела от состава семьи, а также от экономического уровня самого хозяйства. Хрящева А.И. пишет, что не каждое хозяйство в первые годы Советской власти прогрессировало, а упадок нового хозяйства наступал очень быстро. И причина, согласно её мнению, заключается в отхожих промыслах: «Не успеет как следует обстроиться, как уже уходит на заработки, и тогда будущее зависит от удачи на стороне» [Хрящева, 1924, с. 24]. Костромская губерния в рассматриваемый период являлась ярким примером развитой отхожей стороны, в которой отходничество в 1920-е годы было порождено особенностями развития отсталого мелкокрестьянского хозяйства и дифференциации деревни.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются неземледельческие промыслы крестьян Костромской губернии в 1920-е годы и их влияние на крестьянское хозяйство.

Историография по теме отходничества крестьян на заработки в 1920-е годы является обширной. В рамках заявленной темы отметим монографию Хрящевой А.И., в которой рассмотрено положение крестьянства Советской России, а также изучены причины отхода крестьян – середняков и бедняков [Хрящева, 1924]. Историография Костромской губернии по исследуемой теме представлена работами Жбанкова Д.Н. [Жбанков, 1891], Владимирского Н.Н. [Владимирский, 1927], Казаринова Л.Н. [Казаринов, 1926], а также Соловьева А.Н. [Соловьев, 1923].

Кроме того, наше исследование проведено с привлечением широкого ряда опубликованных и неопубликованных источников, делопроизводственных материалов, хранящихся в Государственном архиве новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Кроме этого, проанализирована периодическая печать, в частности «Северная Правда», представленная в Костромской областной универсальной научной библиотеке.

В данной статье были использованы общенаучные и специальные методы исторического исследования, такие как методы объективизма, историзма, анализа и синтеза, а также описательно-повествовательный метод исторического познания, позволившие нам изучить степень влияния отхожих промыслов на сельское хозяйство в местах отхода и проследить противоречивость отходничества для крестьянства Костромской губернии в целом.

Результаты и их обсуждение

В 1920-е годы отходничество служило важным дополнительным источником доходов деревни вследствие того, что сельское хозяйство не приносило крестьянам высоких средств

к существованию. Помимо этого, отхожий промысел рассматривался не только как вынужденная мера для обеспечения своего хозяйства, а как необратимое и необходимое явление для подъёма промышленности в стране [Захаров, 1926, с. 2].

Костромскому крестьянству отхожие промыслы приносили большие заработки. На собрании отходников восьмого района Каликинской волости Чуломского уезда Костромской губернии от 10 апреля 1926 г. секретарь собрания Измаилов, жалуясь на плохой урожай, высказывался о необходимости отхожего промысла [96].

По подсчётам губстатбюро, в 1924–1925 гг. благодаря неземледельческим промыслам бюджет костромского крестьянства составлял не менее 7 млн рублей. В 1930 г. бюджет отходнического хозяйства состоял на 40 % из заработков на отхожих промыслах [Шустов, 1967, с. 6]. К примеру, в Солигаличском уезде Костромской губернии валовой доход волости за 1924 г. состоял из общей суммы дохода в 89,35 %, а остальные 10,55 % – от побочного заработка на стороне [97]. Эта сумма, вложенная в крестьянское хозяйство, могла служить немалым толчком к его подъёму. Так, на губернском совещании секретарей деревенских ячеек товарищ Руколтан, секретарь ячейки из Галичского уезда, рассказал, как на деньги, вложенные отходниками в сельское хозяйство, было коллективно приобретено до 40 веялок и сортировок [Н.Т., 1926, с. 3].

Таким образом, отходники вкладывали полученные в отходе денежные средства на развитие собственного сельского хозяйства. К примеру, в Головинской волости Буйского уезда ежегодно отходник вносил от 25 до 125 рублей на усовершенствование хозяйства. А в Коровинской волости этого же уезда откладывали 70–150 рублей [98]. В Карцовской волости Буйского уезда, по мнению ответственного секретаря Карцовской ячейки товарища Серогородского, небольшая часть отходников стремилась всеми силами улучшить своё имение путём усовершенствования способов ведения хозяйства, таких как переход на многополье [99]. Однако он подчёркивал, что стремлений к переходу на хутора и отруба у населения не встречалось. А Павлов из этой же волости на совещании членов и кандидатов ВКП(б) в 1928 г. заметил, что отход влияет на сельское хозяйство в лучшую сторону, так как без побочного заработка невозможно было поднять хозяйство – «отходник сейчас живёт лучше маломощного крестьянства, который бьётся, бьётся, и в результате в хозяйстве нет ничего» [100]. Члены Георгиевской ячейки Солигаличского укома ВКП(б) были согласны с вышеуказанной позицией о положительном влиянии неземледельческих промыслов на сельское хозяйство, так как отходник «живёт лучше и приобретает лишних вещей в своё хозяйство» [101].

Многие исследователи уточняют тот факт, что неземледельческие заработки были выгодны только в том случае, если они носили временный характер. С этой позицией был солидарен товарищ Дмитров, который на заседании партийной ячейки в Костромском уезде заявил, что «отходничество Костромской губернии делится на две части. Заработок большей группы направлен только на сельское хозяйство» [102]. На уездном совещании партийцев и комсомольцев-отходников 25 января 1928 г., заслушав доклад члена ВКП(б) Баскакова о вовлечении средств отходников на развитие сельского хозяйства и сельскохозяйственной кооперации, были отмечены общие результаты отходничества. К ним относились: усиленные темпы землеустройства в отхожих районах, а также частичная замена сельскохозяйственного инвентаря более современным и улучшенным [103].

[96] Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. р.-938. Оп. 1. Д. 46. Л. 103–117.
[97] ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 10. Д. 882. Л. 69–73.
[98] ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 10. Д. 875. Л. 2–57.
[99] ГАНИКО. Ф. р.-8. Оп. 1. Д. 310. Л. 67–71.
[100] ГАНИКО. Ф. р.-8. Оп. 1. Д. 375. Л. 24–29.
[101] ГАНИКО. Ф. р.-8. Оп. 1. Д. 306. Л. 15–22.
[102] ГАНИКО. Ф.р.-1. Оп. 11. Д. 286. Л. 2–38.
[103] ГАНИКО. Ф. р.-719. Оп. 1. Д. 7. Л. 178–179.

Кроме того, ответственные секретари волостных ячеек ВКП(б) подтверждали заметное положительное влияние неземледельческих заработков на сельское хозяйство. Например, ответственный секретарь Покровской волостной ячейки ВКП(б) Буйского уезда Костромской губернии Семичев в 1926 году указывал, что «от отходничества сельское хозяйство не ухудшается, так как на отхожий промысел идут лишние в хозяйстве руки, которые побочными заработками стремятся улучшить свои хозяйства» [104].

В 1926 году ответственным секретарём Головинской волостной ячейки ВКП(б) Николаевым была представлена статистика состояния отходничества Головинской волости Буйского уезда. На основе наблюдений крестьянских хозяйств в данной волости он пришёл к выводу, что хозяйства плотников улучшились на 60 %, а у кирпичников – на 40 [105]. А ответственный секретарь Писменской волостной ячейки ВКП(б) этого уезда Смирнов утверждал, что вклад в развитие собственного хозяйства вносят только те отходники, которые уходят на заработки зимой. Причиной этого мнения служит не только факт материального обеспечения хозяйства, но и участие самих отходников в работах на собственной земле. К примеру, отходники таких профессий, как сапожники, кузнецы, столяры, в связи со спецификой своей работы в зимний сезон помимо внесения денежных средств в сельское хозяйство успевали участвовать в пахоте земли, а кровельщики, уезжающие на работы летом, «помогают плохо, в связи с чем ухудшается сельское хозяйство» [106]. Что касается шапочников, по его мнению, молодёжь, работающая в шапочном промысле, тратила деньги только на наряды. Сапожники, по его мнению, плохо стараются, а плотники, несмотря на то, что их большинство в волости, примерно 536 человек в 1926 году, «участвуют в хозяйственной жизни плохо, так как пьянствуют» [107].

В крупных городах с развитой инфраструктурой всегда требовались и ценились высокопрофессиональные специалисты. Для галичских мастеров-маляров в Ленинграде всегда находилась тонкая работа, о которой писал Соловьёв А.Н.: «Разделка дверей под разные дерева, раскрышка потолков соответствующими тонами, писанье углов, розеток, тяга филёнок и т. д.» [Соловьев, 1923, с. 10]. Впоследствии костромские отходники находили заработок, работая в музеях и театрах. В то же время мастера, имея постоянную работу и живя в Ленинграде, перевозили туда и всю свою семью, постепенно обрывая связь с деревней.

В отдельных случаях целые волости достигали экономического роста благодаря неземледельческим промыслам. В Молвитино, где был развит шапочный промысел, сказывалось влияние капитала, полученного от отходничества. «Здесь наглядно проскальзывала тенденция мелких капиталистов к объединению и захвату всех экономических высот в волости, – говорил Вознесенский, изучающий Буйский уезд, – это, пожалуй, уже удаётся, если не будет дальнейшего вмешательства уезда или губернии, и здесь может случиться неблагоприятное явление в смысле закабаления», [108] – подытожил он негативными последствиями расширение экономических возможностей отходников в волости. Так, отходники становились подрядчиками и приобретали возможность нанимать на работу крестьян. Например, в Головинской волости Буйского уезда проживали бывшие подрядчики, которые «выбились в люди» и имели по 40–50 наёмных рабочих, строили в деревне каменные дома и покупали лошадей [109]. Что касается подрядчиков, а также десятников и хороших мастеров, то, по мнению Соловьёва А.Н., они «чувствовали себя достаточно прочно и устойчиво как в городе, так и в деревне» [Соловьёв, 1923, с. 3].

С другой стороны, отходничество имело и негативные последствия для развития сельского хозяйства в губернии. К примеру, в 1926 г. ответственный секретарь Шушкодомской волостной

[104] ГАНИКО. Ф. р.-714. Оп. 1. Д. 532. Л. 38.
[105] Там же. Л. 103.
[106] Там же. Л. 49.
[107] Там же. Л. 51.
[108] ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 10. Д. 875. Л. 2–57.
[109] ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 10. Д. 879. Л. 1–10.

ячейки ВКП(б) Буйского уезда Дмитров указывал, что работники строительных профессий, уехавшие в города, своё хозяйство не ведут[110]. Казаринов Л. рассматривает отходничество как возможную сепарацию в крестьянских семьях, когда с появлением нового безлошадника уменьшалось количество земли, необходимой для крестьянского хозяйства [Казаринов, 1926, с. 13]. Помимо прочего, отходники не стремились реализовать землеустройство, так как знали, что при разделе земли им достанется больше, чем у них имелось, вследствие чего увеличится и сельхозналог. А та часть, которая у них существовала, обрабатывалась оставшимися в деревнях женщинами [111]. Ковальковский А. считает, что отход на заработки – «явление ненормальное» [Ковальковский, 1926, с. 2], так как излишки рабочей силы необходимо было использовать на подъем сельского хозяйства, например, на введение в культуру трудоёмких растений, таких как лён, корнеплодов картофеля и развитие скотоводства, распределив работы в течение года. По мнению Костерина, необходимо было вовлекать свободные денежные средства отходников на восстановление сельского хозяйства, объясняя это тем, что «сельское хозяйство может стать более выгодным, чем отхожие промыслы, и вместе с тем может стать надёжной страховкой от неожиданных случайностей» [Костерин, 1926, с. 2].

Кроме того, острым оставался вопрос о материальном обеспечении крестьянского хозяйства. Существовал ряд примеров расточительного отношения крестьян-отходников к собственному хозяйству, когда свободные средства использовались на предметы домашнего обихода, то есть на обстановку, посуду, одежду, оставляя без внимания затраты на восстановление либо улучшение собственного домашнего хозяйства. По мнению Крылова С., озвучивавшего состояние хозяйства в Чухломском уезде и перспективы его развития, значительная доля заработков от отхода на сельское хозяйство не тратилась, а уходила на те нужды крестьян, которые к сельскому хозяйству никакого отношения не имели [112].

Другой пример, подтверждающий данный факт, есть в описании «питерщиков»: «Осенью, возвращаясь с «горячими деньгами» и подарками «на сарафаны» жёнам и головные платки остальной родне, пожилые «питерщики» ложились на печь на всю зиму, слезая с неё только для пьянки» [Костерин, 1926, с. 2]. Характерно возвращение молвитинских шапочников, рассматриваемое Тарабашиным С.: «Катание на рысаках, полилась рекой «русская горькая». 200–300 рублей, заработанные за весь зимний период, прокутили. Ехать назад бы, а денег нет. Вот и ходят по базару вереницы шапочников, продавая свои «масленичные» каракулевые шапки за бесценок» [Тарабашин, 1926, с. 4]. Что касается жён отходников, то их внешний облик также был антуражем для обычных крестьян 1920-х годов: «У жён их можно видеть золотые зубы – предмет разговоров и насмешек в деревне. Ездит в деревню летом на «отдых», вроде как на «дачу». Новая буржуазия» [П., 1926, с. 4]. Схожее описание возвращения на малую родину костомских плотников: «нарядные, с подарками, с городскими гостинцами. Заживёт в эти дни Костома пьяной, весёлой, гулливой, бесшабашной жизнью. Все зимние праздники – Рождество, Никола и т. д. проводятся также – с пьянкой, с хулиганством, с драками» [К., 1928, с. 5]. На совещании членов и кандидатов ВКП(б) Солигаличского уезда при вопросе о влиянии отходничества на сельское хозяйство была озвучена мысль товарища Котлова о том, что никакого улучшения не наблюдается, так как отходники «гонятся за внешностью вида своего хозяйства, приобретая вместо новых сельскохозяйственных машин выездные санки, сбрую»[113]. А оппонент Голубев предлагал проверять приезжающих домой отходников «в лисьих шубах на их идеологию, и каким путём он заработал материальные средства».[114] Были случаи, когда денежных средств, вырученных с отхожих промыслов, не хватало крестьянам для обеспечения собственного хозяйства и приобретения необходимого сельскохозяйственного инвентаря [115].

[110] ГАНИКО. Ф. р.-714. Оп. 1. Д. 532. Л. 38.
[111] ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 11. Д. 286. Л. 2–38.
[112] ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 11. Д. 201. Л. 68–85.
[113] ГАНИКО. Ф. р.-8. Оп. 1. Д. 375. Л. 24–29.
[114] Там же. Л. 31.
[115] ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 2. Д. 1107. Л. 12–20.

Необходимо учитывать и роль деревенских женщин, оставшихся в хозяйстве в условиях отхода мужчин на заработки. Отсутствие мужчин во время летних полевых работ полностью возлагало все тяжёлые полевые работы на женщин, превращая деревни Костромской губернии, по мнению Владимирского Н.Н., в «бабью сторону» [Владимирский, 1926, с. 1]. Соотношение полов внутри сельского населения было неравномерным. Так, в 1926 г. по РСФСР на каждую тысячу мужчин приходилось 1 101 женщина [Баланс народного хозяйства, 1927, с. 109]. Преобладание женщин молодых возрастов сложилось не только как результат потерь в Гражданской войне, но и как результат миграционного оттока из деревни многих мужчин [Озеров, 1998, с. 143–145]. Согласно переписи населения, в РСФСР на каждую 1 000 мужчин приходилась 1 101 женщина. А в 1926 г. такая диспропорция достигла максимума в группе от 25 до 29 лет, где на каждых 1 000 мужчин приходилось женщин такого же возраста на 12,4 % больше. В Костромской губернии, по статистическим данным за 1924 г., население Чухломского уезда состояло из 26 483 мужчин и 32 913 женщин [Костромская губерния в цифрах, 1925, с. 16–17; 143].

Информацию об упадке сельского хозяйства, в котором оставалась хозяйничать женщина, можно встретить в отчёте Карцовской волостной ячейки ВКП(б) Буйского уезда Костромской губернии за апрель-май 1926 г. Так как в этой волости 50 % населения занимается отхожим промыслом, не было возможности полноценно заниматься сельским хозяйством. Оставшиеся в хозяйствах женщины не только не стремились к улучшению форм земледелия, но и физически не в состоянии были заниматься сохранением обработки земли в том виде, в каком она была в те годы, когда крестьянство не занималось отходничеством [116]. Пример изнурительного женского труда в сельском хозяйстве мы можем встретить в газете «Северная Правда»: «тяжела жизнь для женщины в Костоме. На её плечах – дети и всё крестьянское хозяйство. Женщина здесь – пашет, сеет, косит, жнёт молотит, делает изгороди, рубит дрова. Тяжёлый труд накладывает резкий отпечаток на костомскую крестьянку, редко услышишь на работах весёлое слово, смех или песню. А иногда к этому прибавляются еще и неприятные вести о муже – … Загулял, запьянствовал, обокрали, нашёл подружку» [К., 1928, с. 5].

В тяжёлых и невыносимых условиях многие из них начинали злоупотреблять алкоголем. Например, Казаринов Л. пишет, что большинство женщин Чухломского уезда пили водку. Кроме того, прослеживался упадок нравственности вследствие отхода мужчин на заработки. Были случаи в Чухломском уезде, когда женщины, разлучённые на долгое время с мужьями, вступали в связь с нанятыми работниками из Вологодской губернии [Казаринов, 1926, с. 16–19].

Интересна статистика доктора Жбанкова, согласно которой рождаемость, а следовательно, прирост населения губернии сократились в результате отхожей деятельности крестьян: «Более сильные представители здешнего крестьянства изгнаны отсюда нуждой, и мы находимся в мифологическом царстве амазонок, которых встречается здесь многое множество… Тот же всесильный властитель, – нужда, изгнавший отсюда мужчин, заставляет молодых и старых, беременных и больных крестьянок с трудом взбираться на своих сивок и бурок и тащиться на работу в поле, за вестями от мужа на почту, за покупками на базар» [Жбанков, 1891, с. 115].

Заключение

Таким образом, мы можем отметить противоречивое влияние отхожих промыслов на сельское хозяйство в 1920-е годы. Порождённое неспособностью мелкого хозяйства обеспечить крестьянину необходимые средства к жизни, отходничество служило важным дополнительным источником доходов деревни. Неземледельческие заработки оказывали существенное влияние на строй и характер крестьянского хозяйства. С одной стороны, крестьянин был заинтересован в ведении собственного земельного хозяйства, так как с помощью заработков с неземледельческих отходов он постепенно вливал капиталы в своё

[116] ГАНИКО. Ф. р.-8. Оп. 1. Д. 310. Л. 67–71.

хозяйство, а также в условиях неурожайных лет отходничество выручало население, так как на заработанные от неземледельческих промыслов средства крестьяне могли приобретать недостающее количество хлеба.

Однако отходничество крестьян на заработки имело и свои отрицательные стороны. Так, в тех районах, где отходничество было особенно развито, к примеру, в Костромской губернии, в упадок приходило сельскохозяйственное производство в целом, так как крестьянин осознавал, что больший заработок он мог иметь от отхожей деятельности, а сохранение собственного хозяйства ему необходимо только в случае неудач на заработках. Поэтому ведение сельского хозяйства в таких регионах почти целиком ложилось на крестьянку.

Список источников

Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф.р.-1. Костромской губернский комитет ВКП(б), 1918–1929. Оп. 2. Д. 1107. Настроения в деревне. Оп. 10. Д. 875. Документы о состоянии кустарной промышленности и кустарно-промысловой кооперации в Костромской губернии. Д. 879. Протоколы общих партсобраний сельских и городских ячеек ВКП(б). Д. 882. Доклады уполномоченных губкома РКП(б) о результатах обследования волостей Солигаличского уезда. Оп. 11. Д. 201. Доклады Костромского и Чухломского укомов ВКП(б) об экономическом и политическом положении уездов и работе укомов партии. Д. 286. Циркулярные письма: губкома ВКП(б) укомами райкома партии, протоколы совещаний партийных работников, доклады, сведения о работе среди бедноты, батрачества, с отходниками.

ГАНИКО. Ф. р.-8. Солигаличский уездный комитет, 1918–1929. Оп. 1. Д. 306. Информационные и статистические отчёты, протоколы собраний Георгиевской ячейки РКП(б) и бедноты волости. Д. 310. Протоколы общих собраний, заседаний бюро, информационные и статистические отчёты, акт обследования Карцовской ячейки ВКП(б). Д. 375. Протоколы совещаний и комиссий при укоме ВКП(б), городских собраний бедноты.

ГАНИКО. Ф. р.-714. Буйский уездный комитет, 1917–1929. Оп. 1. Д. 532. Протоколы совещания комиссии по работе в деревне губкома ВКП(б), сводки о состоянии работы в деревне среди бедноты.

ГАНИКО. Ф. р.-719. Костомский волостной комитет ВКП(б) Костромского уезда Костромской губернии, 1918–1929. Оп. 1. Д. 7. Массовая работа с беднотой, активом, отходниками, среди женщин, компаний.

ГАНИКО. Ф.р.-938. Каликинский волостной комитет ВКП(б) Чухломского уезда Костромской губернии, 1918–1928 гг. Оп. 1. Д. 46. Протоколы собраний крестьянского актива, селькоров и отходников.

Список литературы

Баланс народного хозяйства Костромской губернии за 1925–1926 годы. 1927. Кострома, Костромская губернская плановая комиссия, 126 с.

Владимирский. 1926. Отхожие промыслы в нашей губернии (8-й исторический очерк). *Северная Правда*. 51: 2.

Жбанков Д.Н. 1891. Бабья сторона. Кострома, губернская типография, 136 с.

Захаров Н. 1926. Прав ли товарищ Ковальковский? *Северная Правда*. 50: 2.

К. 1928. Костома – село отходников. *Северная Правда*. 84: 5.

Казаринов Л. 1926. Отхожие промыслы Чухломского уезда. Выпуск 2. Чухлома, Труды Костромского отделения Костромского научного общества, 19 с.

Ковальковский А. 1926. Наши отхожие промыслы. *Северная Правда*. 45: 2.

Костерин. 1926. Экономические корни отхожих промыслов. Северная Правда. 60: 2.

Костромская губерния в цифрах. 1923–1924 гг. Статистический справочник IV. 1925. Кострома, Костромской губисполком, 276 с.

Н.Т. 1926. Сельское хозяйство нашего края. *Северная Правда*. 66: 3.

Озеров О.В. 1998. Миграция и половозрастная структура сельского населения Российской Федерации в 20–30-е гг. *Особенности Российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв.* 26: 143–145.

П. 1926. В Москву (среди шапочников-отходников). *Северная Правда.* 229: 4.

Соловьёв А.Н. 1923. Питерщики-галичане. Галич, типография Галичского отдела местного хозяйства, 16 с.

Тарабашин С. 1926. По селам и деревням. *Северная Правда.*145: 4.
Хрящева А.И. 1924. Группы и классы в крестьянстве. Москва, Центральное статистическое управление, 172 с.
Шустов А.К. 1967. К вопросу о периодизации подготовки и осуществления коллективизации деревни. Кострома, Костромской обком КПСС, Костромской педагогический институт им. Н.А. Некрасова, 17 с.

References

Balans narodnogo hozjajstva Kostromskoj gubernii za 1925–1926 gody [Balance of the National Economy of the Kostroma Province for 1925–1926]. 1927. Kostroma, Kostromskaja gubernskaja planovaja komissija, 126 p.
Vladimirskij. 1926. Othozhie promysly v nashej gubernii (8-j istoricheskij ocherk) [Migrant Work in Our Province (8th Historical Essay)]. Severnaja Pravda. 51: 2.
Zhbankov D.N. 1891. Bab'ja storona [Women's Side]. Kostroma, gubernskaja tipografija, 136 p.
Zaharov N. 1926. Prav li tovarishh Koval'kovskij? [Is Comrade Kovalkovsky Right?]. *Severnaja Pravda*. 50: 2.
K. 1928. Kostoma – selo othodnikov [Kostoma – a Village of Migrant Workers]. *Severnaja Pravda*. 84: 5.
Kazarinov L. 1926. Othozhie promysly Chuhlomskogo uezda [Migrant Industries of Chukhloma District]. Vypusk 2. Chuhloma, Trudy Kostromskogo otdelenija Kostromskogo nauchnogo obshhestva, 19 p.
Koval'kovskij A. 1926. Nashi othozhie promysly [Our Seasonal Trades]. *Severnaja Pravda*. 45: 2.
Kosterin. 1926. Jekonomicheskie korni othozhih promyslov [Economic Roots of Seasonal Industries]. *Severnaja Pravda*. 60: 2.
Kostromskaja gubernija v cifrah. 1923–1924 gg. [Kostroma Province in Figures. 1923–1924]. Statisticheskij spravochnik IV. 1925. Kostroma, Kostromskoj gubispolkom, 276 p.
N.T. 1926. Sel'skoe hozjajstvo nashego kraja [Agriculture of Our Region]. *Severnaja Pravda*. 66: 3.
Ozerov O.V. 1998. Migracija i polovozrastnaja struktura sel'skogo naselenija Rossijskoj Federacii v 20–30-e gg. [Migration and Age and Sex Structure of the Rural Population of the Russian Federation in the 20–30s]. *Osobennosti Rossijskogo zemledelija i problemy rasselenija IX–XX vv*. 26: 143–145.
P. 1926. V Moskvu (sredi shapochnikov-othodnikov) [To Moscow (Among the Migrant Hatters)]. *Severnaja Pravda*. 229: 4.
Solov'jov A.N. 1923. Pitershhiki-galichane [St. Petersburg Galicians]. Galich, tipografija Galichskogo otdela mestnogo hozjajstva, 16 p.
Tarabashin S. 1926. Po selam i derevnjam [Through Villages and Towns]. *Severnaja Pravda*. 145: 4.
Hrjashheva A.I. 1924. Gruppy i klassy v krest'janstve [Groups and Classes in the Peasantry]. Moskva, Central'noe statisticheskoe upravlenie, 172 p.
Shustov A.K. 1967. K voprosu o periodizacii podgotovki i osushhestvlenija kollektivizacii derevni [On the Issue of Periodization of Preparation and Implementation of Village Collectivization]. Kostroma, Kostromskoj obkom KPSS, Kostromskoj pedagogicheskij institut im. N.A. Nekrasova, 17 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.11.2024
Поступила после рецензирования 10.02.2025
Принята к публикации 12.02.2025

Received 17.11.2024
Revised 10.02.2025
Accepted 12.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новоселова Ольга Павловна, аспирант кафедры истории, Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия; преподаватель истории, Сергиево-Посадский колледж, г. Сергиев Посад, Московская область, Россия
ORCID: 0009-0001-5608-0981

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga P. Novoselova, Postgraduate Student, Department of History, Kostroma State University, Kostroma, Russia; Teacher of History, Sergiev Posad College, Sergiev Posad, Moscow Region, Russia